

Стадо гигантских медуз

«Идите скорей на мостик, какое замечательное зрелище!» - сказал сменившийся с вахты лейтенант Черкасов, входя в кают-компанию.

Оказалось, что мимо броненосца, с обеих его сторон по течению плывет большое количество медуз. «Пересвет» в это время стоял на якоре на внешнем рейде перед Золотой горой, в расстоянии 2-3 миль от берега.

Мы поднялись на мостик и с высоты его, около 8-10 метров над уровнем моря, увидели гигантских медуз, размером в 40-ведерную бочку, радужного цвета. Несмотря на медленное колебательное движение их своеобразных плавничков, двигались они с большой быстротой, влекомые течением и шли параллельно берегу, направляясь к входу в Печелийский залив, в сторону маяка Лястошань.

Их было так много, что мы, простоявши на мостике около часу, не могли дожидаться окончания этой феерической миграции.

Я не знал морских течений, обычных для Желтого моря и никогда не интересовался раньше этим вопросом, но по движению этого стада было видно, что вода шла с большой скоростью, которая раньше не бросалась нам в глаза.

За завтраком все говорили об этих медузах, которые продолжали свое шествие мимо броненосца. Из общих суждений наблюдателей выяснилось, что медуза эта представляет собой гигантский цилиндр в 1,5-2 метра высотой и от аршина до метра в диаметре сечения. Концентрическими кругами этот цилиндр охвачен десятком возвышений с медленно движущимися многочисленными жгутиками. Тело медузы прозрачноватое, зеленовато-радужного цвета. Говорили, что медузы иногда обжигают при прикосновении к ним.

Так как торжественное шествие этих странных существ не прекратилось и после завтрака, я попросил старшего офицера дать мне две шлюпки, чтобы попытаться поймать хотя бы одну медузу, вытащить её на палубу и лучше рассмотреть. Шлюпки спустили, но чтобы захватить животное-полурастение, мы взяли большую ванну, привязали к ручкам её концы, погрузили ванну в воду и двумя шлюпками стали тралить ею в воде, чтобы завлечь медузу в ванну. Дело оказалось очень трудным. Медузы, прекрасно видимые с высокого мостика броненосца (они, видимо, шли на глубине от одного до двух метров), едва были заметны со шлюпок, спущенных на воду. Кроме того, наша ванна была, пожалуй, уже, чем плывшие мимо медузы. Несмотря на часовые наши усилия, мы ни одной не могли захватить. Вероятно, они соскальзывали. Течение было быстрым, гребцы устали, зоологическую морскую охоту пришлось прекратить.

Никогда, ни до этого дня, ни после, ни я, ни кто из наших офицеров ничего подобного не видели!

Откуда взялось это странное живое существо в таком необозримом и густом скоплении, почему оно попало в эти довольно северные воды и куда оно ушло, мне, не натуралисту, неизвестно. Зрелище же было эффектным.

Военная мысль на флоте того времени

Несмотря на большое усердие к службе офицеров-специалистов, в кают-компании редко говорили на общевоенные, а особенно на общевойсковые темы, хотя тогда уже велась довольно усиленная подготовка к морской войне, единственно возможной при

столкновении с Японией. Мало верили, что «япошки» дерзнут состязаться с могучей Российской Империей.

После прибытия новых минных заграждений «Амура» и «Енисея», из которых каждый в самый короткий срок мог выпустить из особых отверстий в корме (как говорили, «накакать») по 400 мин заграждения, выяснилось, что при удаче такого их действия в базах японского флота (Сасебо и Йокосука), можно было бы временно запереть их флот, а, может быть, и нанести тяжкие раны морским силам страны Восходящего Солнца.

Средства для борьбы возрастали и разнообразились, а боевая мысль была все в летаргии, если не просто в забросе.

Разговоры военного характера в нашей кают-компании ограничивались лишь техникой по текущим делам и только между офицерами своей специальности.

Вице-Адмиралъ Макаровъ.

Спор о тактике адмирала Макарова

Но однажды, за вечерним чаем, группа человек в 7-8, углубилась и в вопросы морской тактики. То одни, то другие цитировали учебник морской тактики адмирала Макарова.

Запомнилось мне мнение нашего старшего минного офицера, лейтенанта Николая Васильевича Кроткого, человека серьезного. Он заявил при всех, что считает все положения морской тактики настолько простыми, до самоочевидности аксиомами, что не для чего их и изучать. Они-де без учебника каждому человеку ясны. Например, два

равных корабля – сильнее одного такого же, кто первый нанесет тяжкий удар, окажется в выгоде и т. п.

Я защищаю адмирала Макарова

Я, никогда не читавший тактики Макарова и не интересовавшийся до того этим вопросом, ради забавы, принял участие в этом споре, взял под свою защиту морскую тактику и стал доказывать, что и аксиомам надо учиться и, во всяком случае, упражняться в их использовании в жизни. Человек учится и ходить и говорить и читать по складам, что тоже является наукой почти характера аксиомы, ибо все этому научаются, до тупиц включительно. Но, если человек не упражняется в этом смолоду, в старости ему труднее одолеть и эти аксиомы: что два сильнее одного и т. д. Далее я указал, что война – состязание. Поэтому, кто лучше и скорее сообразит решение этих простых задач, будет в выигрыше. Поэтому-де, нужно учиться тактике Макарова и упражняться в ней.

В спор стало втягиваться все больше народу, тогда я еще больше поддал жару и говорю, что раз война состязание, то, правда можно быть в этом искусстве не очень сильным, если вы выше вашего противника; но кто знает, не таит ли ваш будущий враг камня за пазухой, размеры которого он скрывает и т. д.

Конечно, разговор не носил старчески-уравновешенного характера и выходил из академического беспристрастия. Была маленькая пикировка, были шпилечки и задиранья, свойственные молодости вообще.

Слово за слово, мы чуть не поссорились с лейтенантом Кротковым.

Слухи о нашем плане войны

Между прочим, уже после войны, будучи в Петербурге, я слышал, что у нас был точно такой план внезапного нападения на японцев в их водах, какой японцы применили в отношении России в 1904 году и против Соединённых Штатов Америки во Вторую великую войну (Пёрл Харбор).

План этот был разработан после военно-морской игры, производившейся на одногодичных курсах для флотских штаб-офицеров, когда игра показала возможность такого нападения на нас со стороны японцев.

Эти одногодичные курсы были предшественниками будущей Академии Морского Генерального Штаба. Курсы эти в шутку назывались «акушерскими». Это указывает и на слабую постановку их и на недооценку боевой мысли.

VI. ЭСКАДРЕННЫЙ ДЕСАНТ

Лето 1903 года прошло в подготовке к ожидавшейся войне с Японией. После ряда боевых стрельб в Желтом море из больших башенных 12-дюймовых орудий и контргалсовых стрельб со щитами на буксире, эскадра двинулась от архипелага мелких островов Мяо-Тао, расположенного между Кореей и Ляодунским полуостровом, к Китайским берегам.

В серый день при спокойном море, после обеда, мы приблизились к пустынному, безлюдному берегу севернее бухты Даляньван (а может быть, Талиенван, хорошо не помню).

Дальний

Верстах в пяти от китайского портового городка Талиенван, стоявшего на берегу этой бухты, строился на пустырях город Дальний с большим коммерческим портом. Теперь в Дальнем насчитывается шестьсот тысяч жителей.

Каково было прозрение его основателей?! Ведь прошло всего 45 лет. И такой успех!

Дальний или Лишний?

«Дальний» оказался далеко не «Лишним», как в шутку его называли морские офицеры в то время, когда там не было еще жителей, и кроме редких инженеров, техников и подрядчиков – русских, можно было видеть только тысячи китайских кули, трудившихся на шоссированных улочках над изящными особнячками с красивыми садиками.

Русский министр финансов, С. Ю. Витте, оказался прозорливее русских моряков того времени.

Для японцев и китайцев Дальний оказался далеко не лишним и не дальним.

Но, действительно, для русских Дальний оказался не только дальним, но и лишним, когда война не была избегнута (а могла бы, как я уже писал), да к тому же и проиграна.

На постройку Дальнего было израсходовано сорок миллионов золотых рублей.

Аврал

Эскадра выстроилась в линию фронта по направлению к отлогому берегу и полным ходом направилась к нему.

На флагманском броненосце «Петропавловск», где держал свой флаг вице-адмирал Старк, взвился сигнал :

- Произвести эскадренный десант!

На всех судах начался аврал. В три-четыре минуты спустили катера и все гребные суда, и через десять минут эскадра из сотни мелких судов, в сопровождении миноносцев, двинулась в направлении берега, на ходу выстраиваясь в порядке, сообразно сигналам с катера начальника десанта, капитана 1 ранга Яковлева, командира «Петропавловска», впоследствии адмирала и начальника Главного Морского Штаба.

От санитарной службы «Пересвета» шел я на вельботе в сопровождении фельдшера и двух санитаров с десантными сумками и складными носилками. Все были в высоких сапогах, а офицеры и врачи с палашами.

На впереди идущих больших катерах «Пересвета» и других броненосцев везли десантные пушки на колесах.

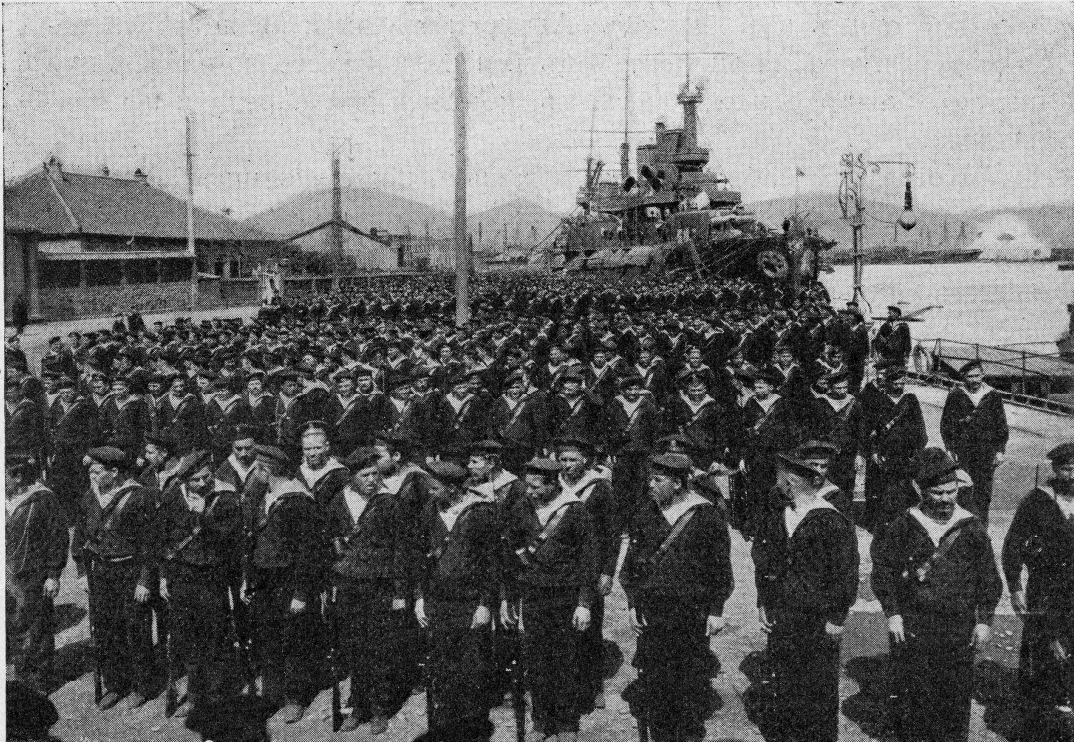
Артиллерийский огонь

Как только эта мелкая сотенная эскадрилья с десантом численностью в две-три тысячи человек двинулась к берегу, вся большая эскадра открыла огонь (конечно, холостой) для прикрытия десанта от угрожающего с берега сопротивления.

Вся масса шлюпок и паровых катеров быстро приближалась к берегу.

Из мелких пушек и пулеметов, установленных на носах больших баркасов и катеров, начался обстрел воображаемого супостата, отражающего нас с берега.

Мы стреляли с азартом и частотой.

Десантъ.

Роды оружия в десанте

В этой маленькой плывущей армии были все роды оружия, необходимые для действий на суше: два-три батальона матросской пехоты, легкая артиллерия на колесах, влекомая на веревках матросами, запряженными в широкие кожаные ляжки, подрывные партии минеров для взрыва мостов, порчи шоссе, железных дорог и укреплений, маленькое интендантство из содержателей и коков для продовольствия, команда для санитарной службы и отделение службы связи с сигнальщиками, для организации семафора между частями десанта и с охранявшими нас миноносцами и издали бдящей эскадрой.

Запасов еды не было. Не было и палаток для ночлега.

Десант – как бы на несколько часов действия.

В колониальных странах, где сопротивления нет, и такой десант имел значение. Но для войны с Японией? А другой не предвиделось пока.

Атака

Берег был совершенно пустынным, некому было пугаться нас и убежать от нас.

Первая линия судов, подходя вплотную к суше, вдруг разразилась громовым «Ура!», передавшимся на всю десантную флотилию. Шлюпки и катера утыкались в песчаное дно берега. Матросы массажи с необычайной быстротой стали бросаться с носа и бортов шлюпок в воду, держа ружья над головой, потрясая воздух боевым задорным криком «ура-а-а», и побежали вглубь берега, взяв ружья на перевес. Кондукторы и офицеры были всюду впереди с высоко поднятыми палашами.

Порывистое движение десанта подкреплялось стрельбой эскадры, которая поражала воображаемые тылы воображаемого противника.

После «морской пехоты» выгрузили десантную артиллерию, пушки и пулеметы (тогда еще совсем новое оружие) и создали несколько батарей в укрытиях за буграми и в прибрежных канавах.

Потом начались какие-то маневры уже на суше, более организованные, и вся крошечная армия стала продвигаться равномерно в глубину берега, развернувшись широким фронтом.

Санитарная служба

В десанте оказалось около 7-8 младших судовых врачей с броненосцев и больших крейсеров с соответствующим низшим персоналом и снабжением. Каждый врач двигался за своим судовым десантом в непосредственной близости за ним совершенно открыто, как на параде, но не так как следовало бы идти на боевом маневре.

Никаких учебных действий по санитарной части не делали : ни повязок не накладывали, ни раненых не носили до шлюпок, не пробовали даже разложить на земле свое оборудование.

Среди врачей не было назначено и старшего, который подумал бы об этом.

Отбой

После получасового маневра заиграли «отбой».

Отдохнув с полчаса, построившись, все двинулись обратно к берегу.

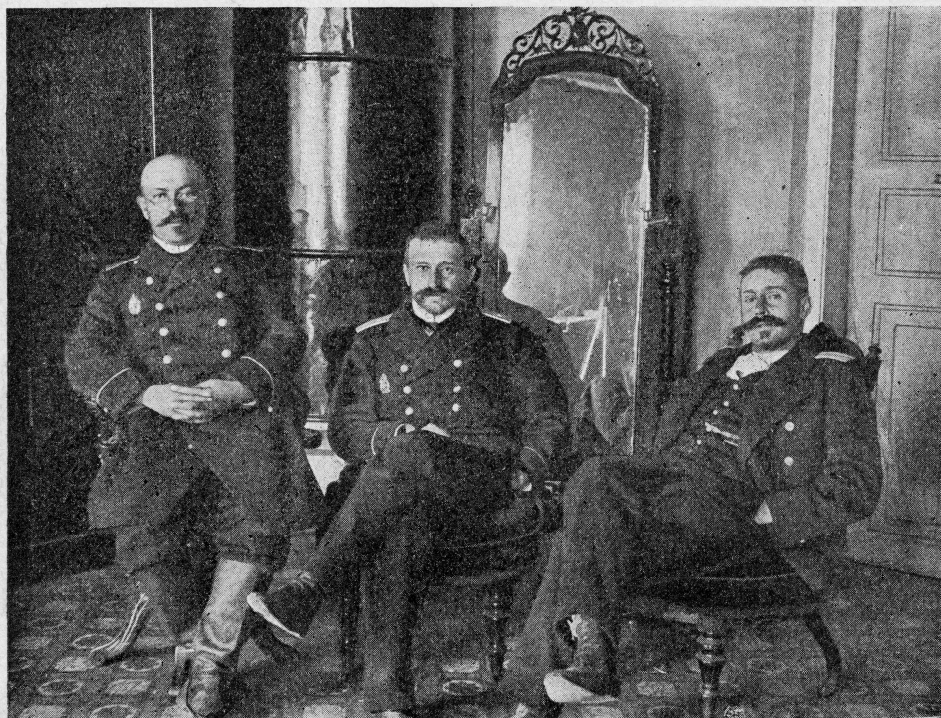
Мы, врачи, собрались группой и обсуждали маневр с нашей точки зрения и пришли к заключению, что все это, как тогда выражались, «для номера».

Тогда и теперь

С грустью и любовью вспоминаю своих приятелей и друзей, принимавших участие в этом эскадренном десанте на заре моей службы, накануне Русско-японской войны.

Мы, младшие судовые врачи, одетые по-боевому с палашами, в высоких сапогах, ожидая обратной посадки, собрались кучкой на пустынном берегу Желтого моря, курили, болтали, беспечно посмеивались над «очередным номером», не думая о приближающемся политическом шторме, сдувшем с берегов Желтого моря и наш флот, и нас самих.

Одни пошли на дно морское, других закопали в китайскую землю, остальные, после потрясений Дальневосточного шторма, позднее пали под пулями новой власти или были разметаны по свету, где в одиночестве, немощи и бедности дожили до старости. Их ждет чужая земля.

Доктора: Кефели, Арнгольд и Кистяковский.

Мои товарищи и друзья

Любимец всей эскадры «доктор Ап», - Арнгольд, Эдуард Егорович, «голландский рыцарь», потомок привезенного Петром Великим голландца-плотника, был расстрелян большевиками в Ялте в 1918 году, будучи старшим врачом морской санатории для туберкулезных и сам туберкулезный. Человек редкой порядочности и доброты, рыцарь без страха и упрека, любивший, однако, кутнуть, за что и получил на эскадре кличку «Ап». Он свободно говорил на трех европейских языках.

Кистяковский – забулдыга, либерал и «выпивохен», ничего и никого никогда не боявшийся, во время восстания в Гельсингфорсе убит был на площади, когда беспечно шел, не обращая внимания на бунт матросни.

Невдалеке от него упал раненым красный финн, Кистяковский подошел к нему, чтобы подать помощь и встал на колени перед раненым. В этот момент другой красный финн, проходивший вблизи, почти в упор, всадил ему несколько пуль из ружья. Все они попали доктору в живот. В страшных страданиях несчастный «Кистяк» скончался в тот же день в госпитале.

Кистяковский, несмотря на его прямоту, доходящую до резкости, любили все во флоте – и матросы, и офицеры. Его моральная чистота и качества хорошего терапевта покрывали его резкость в суждениях.

Особенно его любил адмирал Н. О. Эссен.

Кистяковский, страдавший камнями в печени, был как-то тяжело болен и находился в крайне опасном положении. Как только кризис миновал, командующий флотом сигналом объявил:

- Флот извещается, что доктор Кистяковский вне опасности!

Зато и Кистяковский также был сердечно привязан к общему любимцу адмиралу Эссену. Когда в 1915 году Эссен умирал от воспаления легких, Кистяковский много дней и ночей не отходил от постели адмирала.

Таковы были отношения между этим большим адмиралом и его маленькими сотрудниками.

Вспоминаю Григоровича – гвардеец, гигант, величественный дирижер балов в Дворянском собрании, в бытность его студентом Академии. Он умер до «великой», обрюзгший, грузный, бледно-водянистый.

Мои товарищи по курсу, Меркушев (с «Корейца»), Банщиков (с «Варяга»), несмотря на офицерские Георгии, незаметно исчезли среди отстающих по службе, по своей природной скромности.

Болговской – человек высшей культуры, верх деликатности и благородства. Жив ли он еще? Или доживает на советской пенсии?

Марков в Лионе, и я в Париже уже 20 лет бедую во Франции, ожидая французской могилы.

После «победы», восвояси

Аргонавты вновь расселись по своим суденышкам, и десантная эскадрилья направилась к большой эскадре, медленно двигавшейся далеко в море.

День серый клонился к вечеру, солнца не было видно; море слегка волновалось, на вельботе покачивало.

Все мы, и матросы и офицеры, были бодры ибо были молоды и здоровы.

Туман и ночь

Не прошло и получаса, как надвинулся сначала легкий, а потом и довольно густой туман, мы потеряли из виду эскадру, но друг друга видели. Затем стали скрывать дальние катера, ближайšie еще были видны хорошо.

Не заметили, как вдруг наступила ночь, и ночь темная. Плыть на гребных судах стало трудно; гребцы устали.

Мы начинали опасаться возможности ночью отстать от нашего плавучего стада, заблудиться на шестивесельном вельботе, без пищи, без воды и в открытом море. Паровые катера наших соседей справа и слева поставили бортовые огни. Наступила полная ночь. У кого был на шлюпке конец, подавали его на катер и шли на его буксире.

Море обеспокоено

Чем дальше мы уходили в море, тем больше волнение усиливалось, и небольшие шлюпки сильно качало. Идя в гуще мелких судов мы видели что, всех раскачивало все больше и больше; то нос, то корма погружались и задирались. Особенно плохим было положение мелких шлюпок – вельботов. Мы тоже подали конец на предшествующую шлюпку, которую уже тащил катер.

Ввиду темноты, соседи по шлюпкам все время перекликались друг с другом, но плохо было слышно и приходилось громко кричать. Откуда-то раздавались команды в